

САКРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО И ИСКУССТВО ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В ЭТНИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ СЕВЕРНОЙ АЗИИ: АРТЕФАКТЫ САХАЛИНА

В статье рассматривается суть сакральности искусства, отражающего естественные витальные потребности коренного населения о-ва Сахалин. Изучаются материальные артефакты: Рукутамский жезл, сделанный из рога оленя, из воздушного захоронения уйльта района р. Рукутама (Поронайский р-н Сахалинской обл.), и керамика VIII–XIII вв. н.э., обнаруженная на территории Поронайского и Корсаковского р-нов, а также сохранившиеся в языке и мифах «словесные артефакты». Сопоставляются этнологические данные, собранные автором за 20 лет экспедиций в Сахалинской обл., и артефакты, хранящиеся в музеях Сахалинской обл., Санкт-Петербурга, Осаки и Хоккайдо. В качестве дополнительного источника широко используются тунгусо-маньчжурские словари. Подробно анализируются основные сюжеты сакрального мира уйльта: ритуальное отношение к огню, собаке, медведю, птице кори. Переданное посредством изобразительного искусства восприятие пространства отражает и раскрывает многогранную связь этнической культуры уйльта о-ва Сахалин и иных тунгусо-маньчжурских общностей материка: нанайцев, ульчей, негидальцев, орочей. Многочисленные черты сходства в мировоззрении уйльта и эвенков свидетельствуют о единстве их происхождения.

Ключевые слова: сакральное пространство, жезл, рог оленя, остров Сахалин, Северная Азия, тунгусо-маньчжуры, эвенки, уйльта.

Введение

Взаимосвязь искусства, представлений о сакральном пространстве и витальных потребностей человека очевидна и неисчерпаема. Она рассматривается в многочисленных исследованиях этнических общностей различных территорий и эпох. Широко известны труды Л.Я. Штернберга, А.П. Окладникова, А.П. Деревянко, С.А. Арутюнова, С.В. Иванова, Я.А. Шера, А.В. Головнева, Е.Г. Дэвлет, М.А. Дэвлет и др. Тема сакрального искусства и сакрального пространства обсуждается на многих международных научных форумах*. Подобная проблематика находит отражение

на страницах данного журнала [Черемисин, 2009; Бауло, 2009; Жульников, Кашина, 2010].

Очертим круг рассматриваемых научных вопросов: что есть жизненное пространство в мировоззрении одного из коренных малочисленных народов Сахалина; какие стихии природы играли главную роль в цикле жизненного обеспечения данных этнических общностей; как человек вписывал свою жизнь в сакральное (т.е. изученное) пространство; отделимо ли сакральное пространство от общего жизненного пространства или это и есть суть самого пространства; что такое остров в мировоззрении коренного насе-

*Рассматриваемая в статье гипотеза излагалась автором на Международном III Северном археологическом конгрессе, который состоялся 8–13 ноября 2010 г. в г. Ханты-

Мансийске [III Северный археологический конгресс, 2010, с. 187–188], а также на Международной научной конференции «Историко-культурное наследие народов Севера и Сибири», проходившей в Москве 21–22 декабря 2010 г.

ления; как мифоритуальная практика наследовалась поколениями жителей острова и сохраняла память сакральности своих предков, живших на материке; какова роль орнамента как части этнического искусства в наследовании мировоззрения освоенного жизненного пространства.

Артефакты, в частности Сахалина, служат источником для изучения сакральности искусства; они дают возможность приобщиться через это искусство к ежедневному быту, охватывающему все естественные витальные потребности человека прошлых эпох. И именно эти потребности объединяют человека прошлого и настоящего в обращениях к Земле, Небу, Морю, Воде, Реке, Тайге, Огню, Полярной звезде и т.д.

Материальные артефакты, как и «словесные артефакты» прошлого, позволяют в комплексе понять структуру мировоззрения коренного населения о-ва Сахалин. Возможно сопоставление этнологического материала, собранного в Поронайском и Ногликском р-нах Сахалинской обл. в ходе экспедиций в 1990–2009 гг., с артефактами, хранящимися в музеях Сахалинской обл., Санкт-Петербурга, Хоккайдо и Осаки*.

Для раскрытия заявленной темы особый интерес представляют Рукутамский жезл**, а также фрагменты керамических сосудов с изображениями ритуального женского танца***.

*Исследование материалов, собранных в библиотеках и музеях Японии, проводилось автором данной статьи в рамках проекта «Программа работы зарубежных исследователей в статусе приглашенного профессора Славянского исследовательского центра Университета Хоккайдо. Саппоро. Япония. 2008–2009» («Foreign Visitors Fellowship Program. 2008-2009» of the SRC of Hokkaido University – A Specially Appointed Professor of Hokkaido University. Slavic Research Center. Sapporo. Japan»). В Городской художественной галерее г. Абасири, Мемориальной галерее г. Хакодате представлено творчество Сёдзи Кимура, оно отражено также в семейном архиве сына художника Хироки Кимура, в Городском музее Абасири и Музее Ширетокко – фотоколлекция Хандзава Чу, в Национальном музее этнологии МИНПАКУ – коллекция этнолога Миямото Кштаро и уникальные книги первой половины XX в. Юко Ямамото, Коити Тамануки и др.

**Найден в Поронайском р-не Сахалинской обл. Воздушное захоронение. Хранится в Поронайском краеведческом музее (Сахалинская обл.), кол. № 194-1.

***Фрагмент керамического сосуда с изображением танцующих женщин, VIII–X вв. н.э., обнаружен на памятнике Промысловое-2 на южном берегу оз. Невского в Сахалинской обл. С.В. Горбуновым. Хранится в Поронайском краеведческом музее, кол. № 429-1500. Фрагмент венчика керамического сосуда с изображением танцующих девушек, X–XIII вв. н.э., найден на стоянке Верхняя Санносава-1 (пос. Третья Падь) в Корсаковском р-не Сахалинской обл., подъемные сборы А.А. Василевского, 1991 г. Представлен в экспозиции археологического музея Сахалинского государственного университета, кол. 158-32.

Пространство в мировоззрении и его отображение в этническом искусстве

Рассмотрим гипотезу восприятия сакрального пространства уйльта – одного из тунгусо-маньчжурских народов, населяющего уже несколько веков Сахалин. В его жизненное пространство входило реальное географическое пространство, наделенное сакральным смыслом, а также весь мифологический Космос, включающий земной и неземные миры [Ермолова, 2007, с. 87]. Именно такое восприятие отражено в Рукутамском жезле.

Жезл, сделанный из верхней половины левого рога оленя (рис. 1), был обнаружен охотником в 1972 г. на р. Рукутама (район традиционного расселения южной группы уйльта), точнее на старом ее рукаве – р. Ангуровке, впадавшей ранее в оз. Невское. Рог, по словам охотника, лежал фронтальной стороной вверх рядом с опорными столбами воздушного захоронения, около которого находились также обрывки погребальной одежды и расколотый чугунный котел на трех ножках с кованой дугой-ручкой (первая публикация о жезле: [Федорчук, 1995, с. 128]). Вполне возможно, это было захоронение одного из последних уйльтинских шаманов.

Охотник пытался распилить рог, чтобы сделать ручку ножа, но «почувствовал сильное воздействие рога» и оставил это занятие*. Позднее находка была передана в музей г. Поронайска. К сожалению, возраст рога-жезла не определен; захоронение можно отнести по очень приблизительным подсчетам к 1930–1940-м гг., позднее власти не позволили бы произвести воздушное захоронение, но сколько поколений шаманов могло использовать этот жезл – неизвестно.

Анализ жезла необходимо предварить замечаниями об особенностях карт прошлых веков. Так, карты XVII в. отличаются от современных, в частности, обозначением сторон света: север – внизу, юг – вверху, запад – справа и восток – слева. В качестве примера назовем «Чертеж древний вся Сибири (Годуновский). 1667 год» с изображением о-ва Сахалин в устье Амура [Высоков, Василевский, Костанов, Ищенко, 2008, с. 286] или «Чертеж вновь Камчадалские земли и моря. Служебная Чертежная книга С. Ремезова и сыновей. Первая русская карта, на которой изображены лежащие к югу от Камчатки Курильские острова и Япония» с обозначением острова [Там же, с. 295]. Изучая Рукутамский жезл как воплощение восприятия пространства, перевернем его и сопоставим с очертаниями Сахалина на «Карте полуострова Сахалина И.Ф. Крузенштерна. 1805 год» (рис. 2) [Там же, с. 328]. Очевидно совпадение по пропорциям острова и жезла. Такое же совпадение контуров наблюдается при сопоставле-

*Насечка, сделанная охотником, в данном исследовании не рассматривается.

Рис. 1. Рукутамский жезл.

нии отдельных зон острова на карте и жезле. Обозначим три основные исследуемые зоны на жезле: районы п-ва Шмидта, залива Терпения и залива Анива. При наложении фотокопии жезла на карту острова очевидна пропорциональность верхней части рога очертаниям п-ва Шмидта, средней – контуру залива Терпения (рис. 3, 1), нижней – залива Анива (рис. 3, 2). Небольшое будто бы несовпадение (см. рис. 3, 1 – заштрихованный участок на карте-схеме) объясняется тем, что в этом месте расположено оз. Невское (недалеко отсюда был найден жезл), выемка на жезле четко повторяет очертания озера (рис. 3, 1, а). Обращаем внимание на единственную насечку на жезле (рис. 4, 1, а), которая сделана инструментом, ориентированным не перпендикулярно к поверхности предмета, а под наклоном. Если наложить фотокопию жезла на

карту, то в месте насечки по очертаниям нижняя часть жезла полностью совпадет с нижней зоной острова, а сама насечка будет соответствовать месту перевала Поясок на карте. Насечка, находящаяся немного выше, совпадет с перевалом Никольского на карте.

Можно предположить, что шаман держал жезл, повернув лицевой стороной с изображениями от себя. При наклоне жезла над водой хорошо прочитывались все сакральные сюжеты, которые, согласно традиционным представлениям, сопутствовали связи шамана с иными неземными мирами. Вода в сакральных представлениях играет важную роль.

Рассмотрим сюжет на жезле, зафиксированный в зоне, соответствующей пространству между перевалами на карте: здесь четко видны три значимые вершины гор. На карте именно в этом месте обозначены три самые высокие горы (рис. 4, 2, а). Разница по высоте между г. Ичара и г. Арсеньева и между г. Ичара и г. Краснова 71 м. Эти горы можно наблюдать, если смотреть со стороны перевала Никольского (т.е. с севера на юг); четвертая высокая гора в данной проекции не видна, а пятая находится за горным Камышовым хребтом Западно-Сахалинских гор. Расстояния между ними на карте пропорциональны удаленности гор, показанных на жезле.

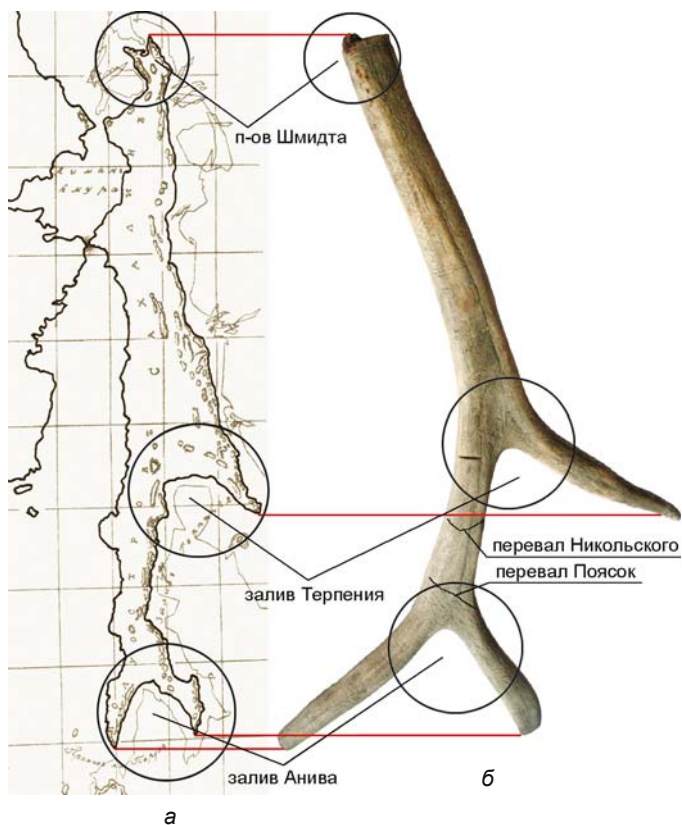

Рис. 2. Сопоставление «Карты... И.Ф. Крузенштерна. 1805 год» (а) и Рукутамского жезла (б).

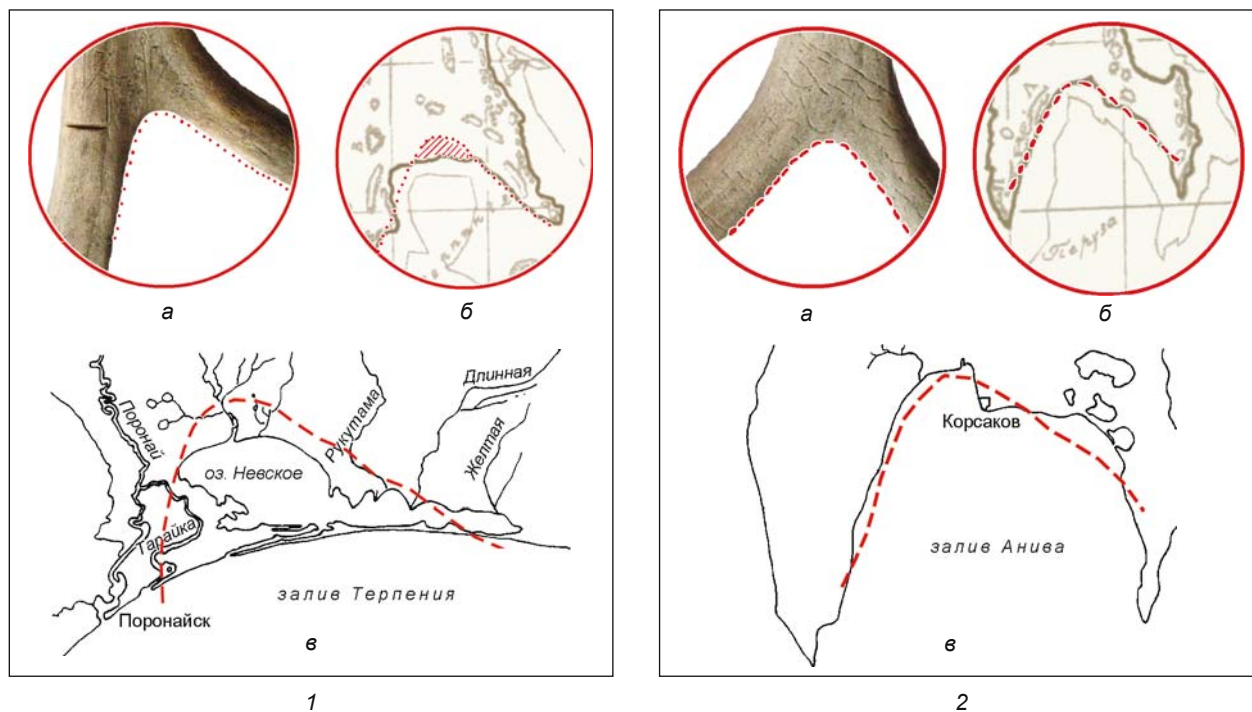

Рис. 3. Основные очертания о-ва Сахалин в районе заливов Терпения (1) и Анива (2). а – Рукутамский жезл; б – «Карта... И.Ф. Крузенштерна. 1805 год»; в – современная карта-схема.

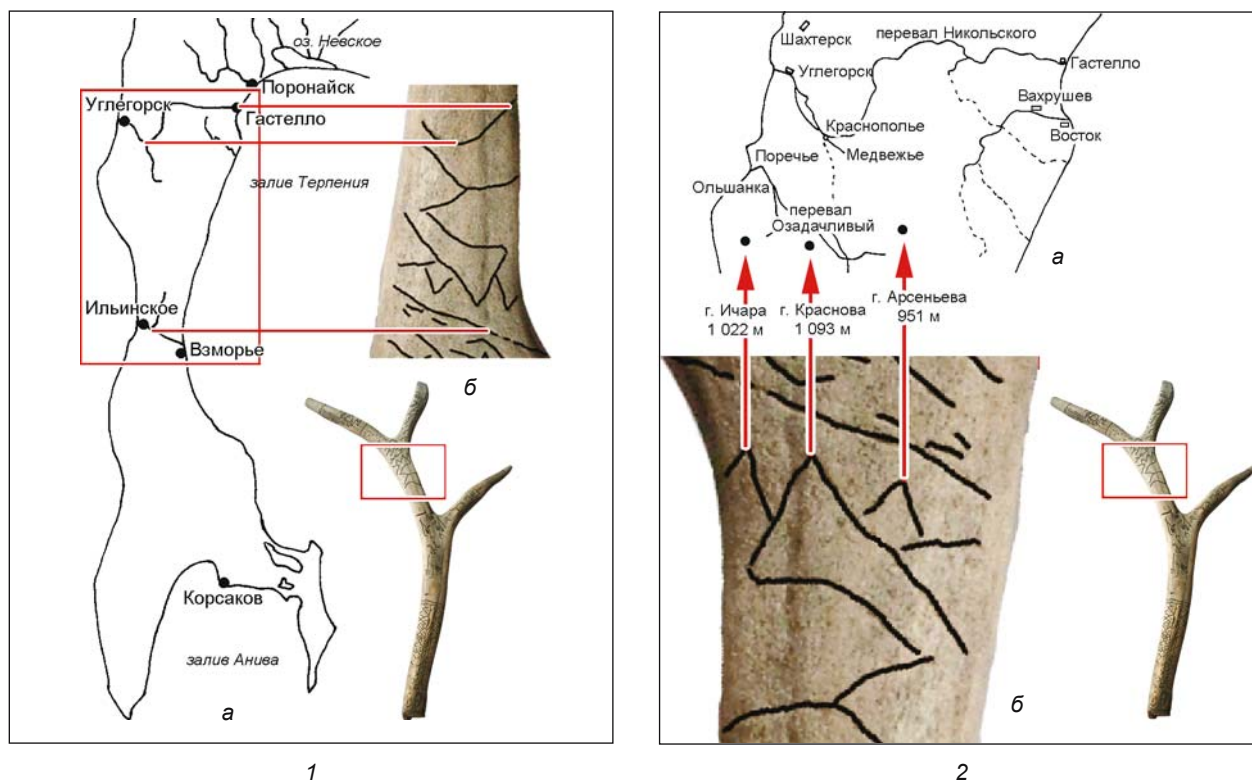
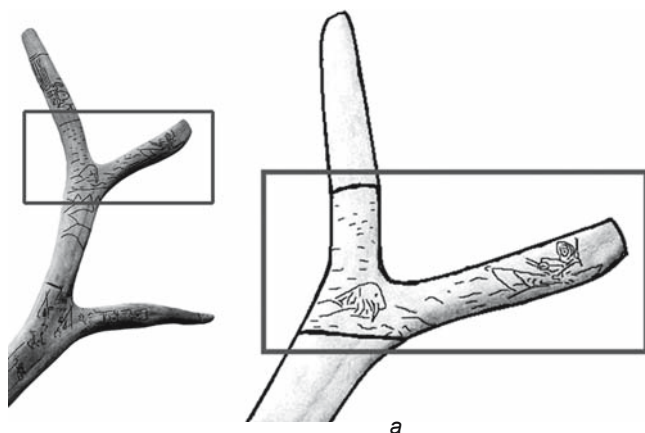

Рис. 4. Пространство между перевалами Поясок и Никольского (1); обозначение трех значимых горных вершин между ними (2). а – фрагмент карты Сахалинской обл.; б – Рукутамский жезл.

б

Рис. 5. Изображение сцены охоты на моржа на участке жезла, соответствующем заливу Анива на карте (а); череп, бивни, зубы, клыки моржа с оз. Невского и с поселения Промысловое-2 в экспозиции Поронайского краеведческого музея (б).

Следующий сюжет – морж (рис. 5, а). В настоящее время этого представителя ластоногих в заливе Анива нет. Но по историческим источникам середины XVII в., фольклорным и лингвистическим материалам ранее здесь занимались его промыслом [Бурыкин, 2001]. В зоне залива неоднократно находили останки моржа [Василевский, 2008, с. 58]. В музее г. Поронайска хранятся черепа, бивни, зубы и клыки этого млекопитающего (VIII–X вв.), обнаруженные недалеко от устья пролива Невский, на оз. Невском, Невской косе, а также поселении Промысловое-2 (рис. 5, б). В экспозиции Сахалинского областного краеведческого музея в Южно-Сахалинске имеется окаменевший пенис моржа со вставками из острых пластин обсидиана, использовавшийся, вероятно, в качестве составного орудия. По мнению В.О. Шубина, обсидиан, скорее всего, с о-ва Хоккайдо. Орудие было найдено в горном массиве Вайда на территории Смирныховского и Поронайского р-нов Сахалинской обл. среди ребер медведя. Видимо, этим орудием разделяли тушу медведя. Видимо, этим орудием разделяли тушу медведя. По заключению В.О. Шубина, типологически находка относится, вероятно, к позднему палеолиту – раннему неолиту (12–8 тыс. л.н.) [Там же, с. 175].

В сцене охоты на моржа в традиционной лодке на жезле показан уйльта – его опознают современные информаторы – жители Сахалина – по традиционной шапке *метака* (ПМА, Л.Н. Конусова, И.Г. Курушина, И.Я. Федяева, пос. Вал; Е.А. Бибикова, пгт. Ноглики; Минато Сирюко, г. Поронайск, 2009). Аналогичные изображения сцен охоты можно найти и у других народов. Например, в чукотской резьбе по кости запечатлен охотник, мечущий с лодки гарпун; к гарпуну привязан льня, соединенный с надутым бурдюком из цельноснятой шкуры нерпы, который служил поплавком после попадания наконечника гарпуна в животное. Подобный способ используется для охоты на

льду (на берегу) на разные виды морских животных (см.: напр.: [Тишков, 2008, с. 38, 96, 101; Бурыкин, 2001; Пирогов, 1999]).

На жезле в зоне, которой на карте о-ва Сахалин И.Ф. Крузенштерна соответствуют места традиционной охоты российского и японского населения на нерпу и сивуча в районе Невельска [Высоков, Василевский, Костанов, Ищенко, 2008, с. 328], где и в настоящее время есть лежбища сивуча и нерпы [Василевский, 2008, с. 58], имеется изображение охотника (рис. 6, а, даны прорисовки в двух ракурсах). На охотнике уйльтинская *метака* – ее легко определяют многие пожилые представители народа уйльта (ПМА, Л.Н. Конусова, И.Г. Курушина, И.Я. Федяева, пос. Вал; Е.А. Бибикова, пгт. Ноглики; Минато Сирюко, г. Поронайск, 2009). Для традиционного забоя нерпы на лежбище (на берегу) он использует копье.

На Рукутамском роге обозначены еще две зоны, которые на карте соответствуют району р. Поронай и Лодочному перешейку на п-ове Терпения (рис. 7). На р. Поронай уйльта жили издавна [Миссонова, 2006, с. 7–9]. На соответствующем месте жезла изображены сцены бытовой жизни южной группы уйльта (рис. 8, а). Четко видна олениводческая стоянка с четырьмя *аундау* – традиционными жилищами уйльта. Изображены также предметы хозяйственного быта, коробки, ребенок, собака, подставка для ружья. Подобная бытовая сцена запечатлена на фотографии (открытке) этих мест, сделанной в начале XX в. Ханзава Чу [Уни Йосикадзу, 1999]*. Показаны также четыре

*В период Карафута, когда Южный Сахалин входил в состав Японии, фотостудия Ханзава Чу находилась в Сисукэ, а сувенирная лавка, где продавали изготовленные по фотографиям открытки, – в пос. Отасу – районе, где найден жезл.

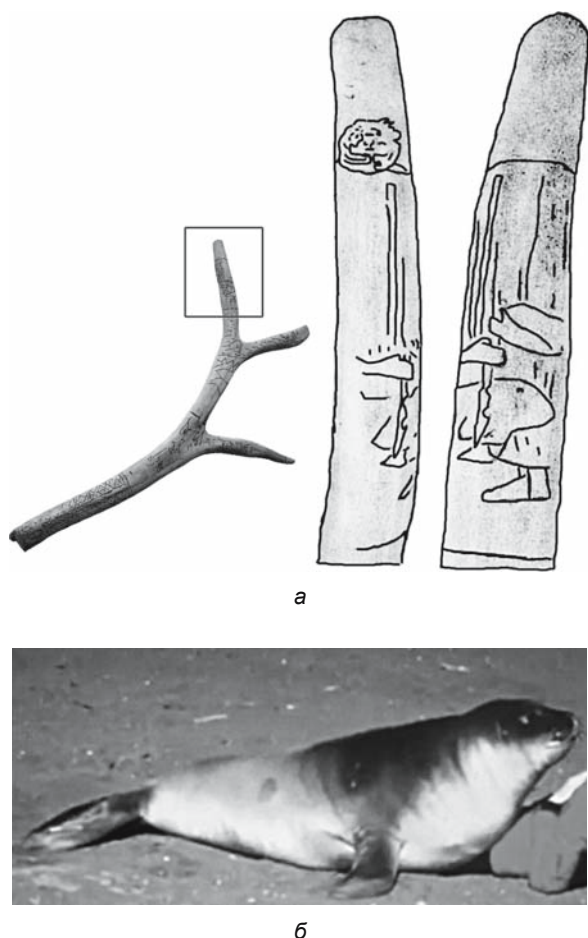

Рис. 6. Изображение сцены охоты на нерпу на жезле (а); фотография животного (б).

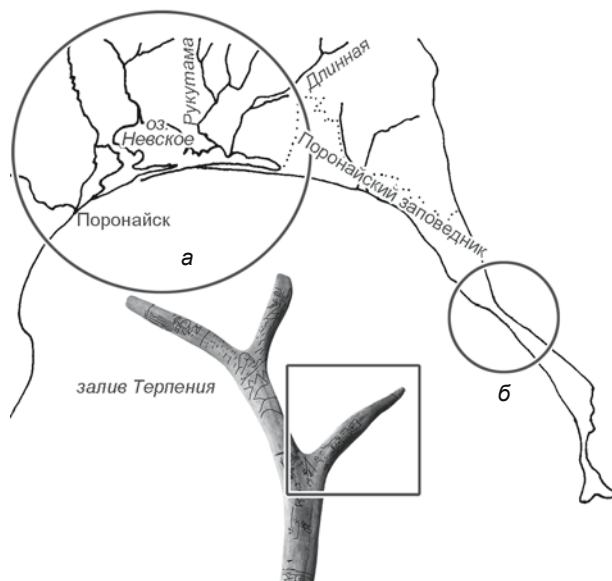

Рис. 7. Район оз. Невского с отметкой места обнаружения жезла (а) и перешеек Лодочный на п-ове Терпения (б).

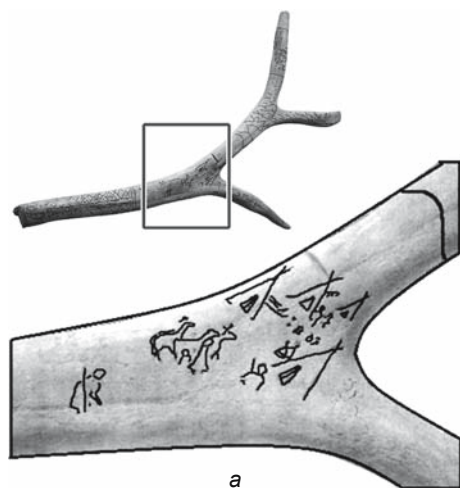
олень* (на языке уйльта *Žyrэгдэ* (дзирэгдэ) – «четверка») (рис. 8, а (три олени на переднем плане, контуры четвертого – на заднем) и, вероятно, оленеводческая семья. Рядом с оленями – очертания женщины, ребенка (слева) и мужчины (справа). Аналогичная сцена жизни оленеводческой семьи изображена на деревянной дощечке, привезенной в 1895 г. с Сахалина лейтенантом Леонтовичем [Иванов, 1954, с. 388]**.

Особое внимание следует обратить на силуэт женщины (точнее женского платья) на жезле (рис. 8, а (фигурка рядом с оленями)). Характерные по очертаниям уйльтинские платья можно видеть на различных артефактах Сахалина. Рассмотрим фрагмент венчика керамического сосуда с изображением танцующих девушек (X–XIII вв.), найденный на стоянке Верхняя Санносава-1 (пос. Третья Падь) в Сахалинской обл. (рис. 9, а). Безусловно, встает вопрос о правомерности использования этой находки при сопоставлении материалов по уйльта. Поселок Третья Падь расположен в южной части острова, где во второй половине XIX – начале XX в. уйльта не жили. Однако неизвестно, была ли эта территория местом их кочевания в более ранний период. По опубликованной информации, в 1980-е гг. в летний период северные олени кочевали на территории, которая находится южнее 48° с.ш., и проникали до района залива Анива [Воронов, 1998, с. 281; Еремин, 1989]. Сохранилась фотография, на которой олени стоят рядом с построенным в 1911–1913 гг. синтоистским Храмом Анива дзиндзя в Одомари (ныне г. Корсаков) [Самарин, 2005, с. 17]. Если эта территория пригодна для жизнедеятельности дикого северного оленя, то правомерно предположить, что в прошлые века здесь были стоянки общностей, которые вели оленеводческий образ жизни. Во всяком случае несомненно сходство танцующих, изображенных на керамике и на фотографии первой половины XX в. (рис. 9, б). На археологической находке видно, что один край женского платья заострен, а другой – как бы развевается во время движения (рис. 9, а). Вероятно, во время подобного ритуального танца запечатлел уйльта (ороков) японский исследователь [Тамануки Коити, 1944, с. 432]. У уйльта ритуальный танец огня был женским. Именно хозяйка огня (очага), например, в XIX – начале XX в. занималась кормлением огня (ПМА, Минато Сирюко, Поронайск, 2007; подробнее см.: [Миссонова, 2010]). Известен ритуальный женский танец уйльта *мэури* (ПМА, И.Я. Федяева, пос. Вал, 2009), для которого характерны плавные

*Упряжка из четырех оленей характерна для этого народа.

**До 1950-х гг. хранилась в Музее антропологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, кол. № 8-40.

а

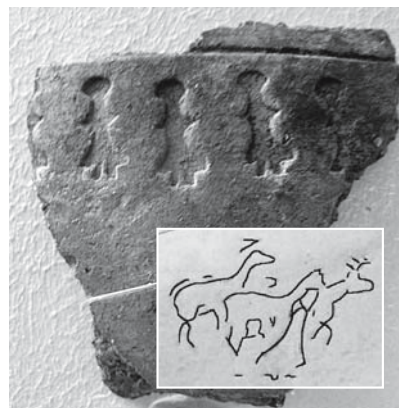
б

Рис. 8. Стойбище уйльта, изображенное на жезле (а) и на фото (б).

движения всем телом и тазом назад. Исполнительницы этого танца с большой точностью изображены на венчике керамического сосуда и на фотографии Тамануки Коити (рис. 9, б). И на керамике, и на снимке танцующие двигаются против часовой стрелки, пропорциональны рост фигур, угол наклона туловища, расстояние между ногами, которые показаны до края платья, ритуальный головной убор, длина платья, разворот платья во время движения, уровень локтей левой и правой рук, уровень шеи. На фотографии изображен также шаман (рис. 9, б), «сама комучипни, *jajjéni* (йайэни), шаман бьет в бубен, поет» (ПМА, Е.А. Бибилова, пгт. Ноглики, 2009). Артефакты, на которых изобразительными средствами передано «движение» вообще и в частности «по кругу» против часовой стрелки, широко представлены в разных регионах. Например, на поселении Суньцзя в уезде Датун в пров. Цинхай в 1973 г. был найден керамический сосуд (примерный возраст 5 тыс. лет) с изображением юношеского ритуального кругового танца (см.: [Медведев, 1986, с. 178]).

Женщины,двигающиеся по кругу во время танца с уйльтинскими погремушками *ёдопу*, показаны также на фрагменте керамического сосуда VIII–X вв., обнаруженном на памятнике Промысловое-2 (бывш. поселение уйльта Тарайка) на южном побережье оз. Невского (рис. 10). То, что уйльта использовали глиняные вещи, не вызывает сомнений; в их языке есть, например, слово *тоқсома* (*токсома*), которое означает глиняный, из глины [Озолина, 2001, с. 347].

Медведь – одно из культовых животных уйльта. На жезле он показан в месте, которое на карте соответствует участку между притоками двух самых крупных рек Сахалина – Поронай и Тымь (см. рис. 8, а). Оба притока (Лонгари и приток Громова) берут начало на склонах г. Водораздельной (высота 1 428 м). Между

а

б

Рис. 9. Фрагмент венчика керамического сосуда с изображением танцующих девушек, найденный на стоянке Верхняя Санносава-1 в Сахалинской обл. (а); фото уйльта (ороков), исполняющих танец огня, сделанное в районе обнаружения жезла [Тамануки Коити, 1944, с. 432] (б).

реками Поронай и Тымь находились основные места кочевания уйльта, например, в XIX–XX вв. Здесь реки растекаются в противоположные стороны (на юг и север), по мифологии это распутие двух миров.

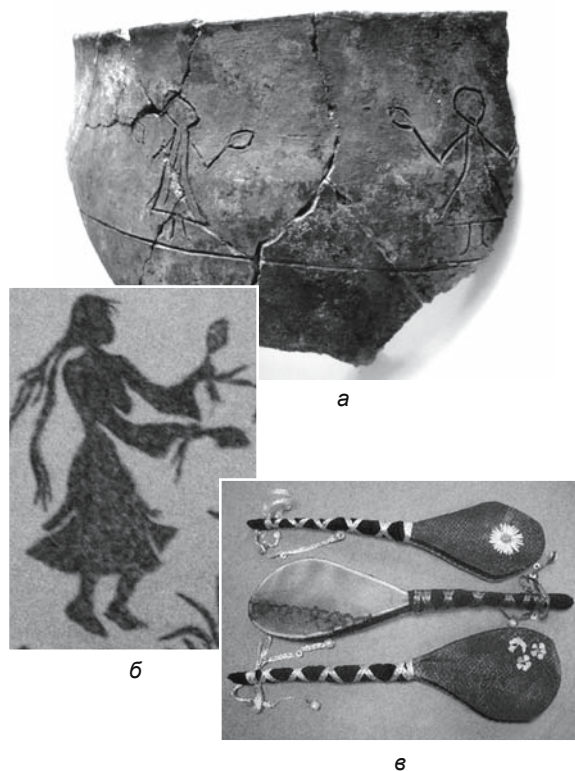

Рис. 10. Фрагмент керамического сосуда VIII–X вв. с фигурами танцующих женщин с погремушками с памятника Промысловое-2 на южном берегу оз. Невского (а); фрагмент картины «Танец огня» («Тава пэкини»), вырезанной из кожи кеты в мастерской уйльтаинского родового хозяйства В.В. Осиповой, пгт. Ноглики, 2009 г. (б); погремушки *ёдопу* работы современной уйльтаинской мастерицы Е.А. Бибиковой, пгт. Ноглики, 2007 г. (в). Фото автора.

Известны два медвежьих праздника уйльта: *гупури* (*һуһури*) и *хуриацци* (*хуриуачи*). Первый отмечали летом, если происходило убийство медведя, второй, основной, – зимой или ранней весной [Пилсудский, 1989, с. 62; Озолиня, 2010, с. 160]. «Давно в старину уйльта, убив медведя, устраивали медвежий праздник (халән-да горопчиду ул’та бэжомбо вāписсā, хураччуккил биччи)», «устроивая медвежий праздник, из других селений людей приглашали (хурāчилу-писсā гој гасандū нāрилба нарроккилил биччи)». На жезле показаны столбы для привязывания ритуального медведя на медвежьем празднике (рис. 11). На языке уйльта они назывались *тудэ* или *лэдүңза* [Сравнительный словарь..., 1975, т. 1, с. 496; Озолиня, 2001, с. 161, 354, 171]. Ритуальные столбы *тудэ* с раздвоенными концами Б. Пилсудский описывает так: «Медведя привязывают к двум вилообразным вкопанным в землю жердям-столбам... Вверху к ним подвязаны иляу (ритуальная стружка. – Л.М.)» [1989, с. 58]. *Хуриацци* (*хуриуачи*) сопровождался совместным по-

еданием медвежьего мяса, гонками на оленях, национальной борьбой и играми [Там же, с. 57, 62; Озолиня, 2010, с. 162].

Тема сопряженности смерти и нового рождения у тунгусов раскрывается в мифе о медведе-первопредке [Ермолова, 2007, с. 124]. Медведь дал людям необходимые орудия труда и, пожертвовав собой, научил приемам их использования: войдя в реку, он скрылся в ней (утонул). Река, забрав медведя в мир мертвых, даровала в обмен на это основы человеческой жизни.

В тунгусской мифологии в одном из вариантов вселенная изображалась в виде некоей мифической реки, называемой эвенками Энгдекит – «место полного исчезновения» [Ермолова, 2010, с. 152–153]. Эта река объединяла своим течением все три уровня вселенной в единое космическое пространство. Она брала начало в Верхнем мире, расположенном на востоке, и текла сначала на запад, а потом на север, где впадала в подземное море. Там и находился мир мертвых – *буни* (в переводе с языка уйльта – место смерти). Данное мифическое представление точно отражено на жезле (см. рис. 1, нижняя половина). Как отмечают Н.В. Ермолова [Там же, с. 142–151], А.Ф. Анисимов [1958, с. 60–61] и Г.М. Василевич [1969, с. 245–247], оно характерно для эвенков бассейна Подкаменной Тунгуски и территории между Енисеем и Леной, а также для некоторых олекминских и забайкальских групп эвенков.

Рассмотрим фигуры человека и собаки, изображенные на роге в месте, соответствующем на карте

а

б

Рис. 11. Ритуальный медведь на медвежьем празднике (Поронайский краеведческий музей; а), изображение культового животного на жезле (прорисовка; б).

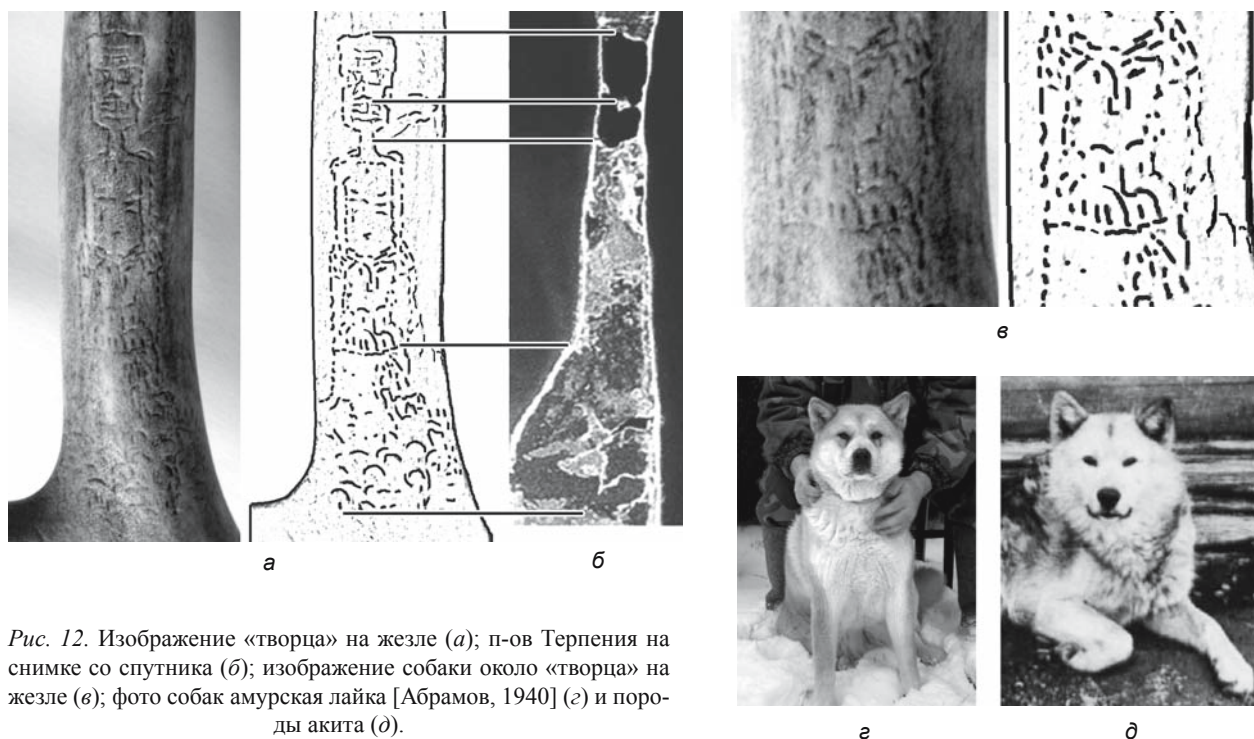

Рис. 12. Изображение «творца» на жезле (а); п-ов Терпения на снимке со спутника (б); изображение собаки около «творца» на жезле (в); фото собак амурская лайка [Абрамов, 1940] (з) и породы акита (д).

п-ову Терпения и району оз. Лодочного (см. рис. 7). Интересно, что при наложении фото п-ова Терпения, сделанного из космоса [Спутниковая карта...], на изображение на жезле очертания головы и шеи человека полностью совпадают с границами оз. Лодочного (рис. 12, а, б). Причем отмеченный на карте остров в озере соответствует изображению носа человека на жезле (рис. 12, б). По тунгусской мифологии в середине пути в Нижний мир шаман отдыхает на «шаманском» острове [Ермолова, 2010, с. 143]. Изображенная на жезле собака (рис. 12, в), по мнению В.Е. Раскина – президента кинологического клуба «Акита ину» (г. Москва), по основным характеристикам относится к японским акита (рис. 12, д) [Кинологический клуб...], которые произошли, возможно, от амурских лаек (рис. 12, з) или сахалинских карафуто-кен.

При детальном сравнении очертаний п-ова Терпения на карте и силуэта человека на жезле можно заметить, что линии у ног соответствуют каменистым местам на карте (рис. 12, а). Чтобы понять, чей образ воплощен в человеческой фигуре, обратимся к тунгусо-маньчжурской мифологии [Мифы..., 1988, т. 2, с. 533]. Согласно древнему варианту эвенкийского мифа о сотворении мира, вначале были только вода и два брата (по другой версии две птицы; см. рис. 12, в (справа от головы)). Младший брат достал со дна немного земли и положил ее на поверхность воды, затем сел и заснул. Старший брат стал вытаскивать из-под него землю и растянул ее настолько, что она превратилась в большую землю. Потом младший

брат начал делать из глины и камня изображения людей и полезных человеку животных, а старший брат – вредных человеку зверей. У младшего была собака (варианты: ворон, медведь), которая в отсутствие «творца» должна была охранять сделанные им изваяния, чтобы их не увидел старший брат. Но однажды страж, поддавшись на соблазны, показал старшему брату творения хозяина. Старший наделил изваяния разными болезнями либо поломал их. Вернувшись, младший брат наказал помощника и продолжил свое дело, завершив его, ушел на небо. Посредником между людьми и собой он оставил ворона (медведя). А старший брат ушел под землю. Появившиеся позже шаманы называли младшего брата *сэвэки*, а старшего *харги*. Таким образом, можно говорить о том, что на жезле изображен Творец Мира.

Обратимся к изображению предположительно шаманской птицы на жезле (рис. 13, а). Подобные фигуры птиц у тунгусо-маньчжурских народов декорируют шаманский головной убор (рис. 13, в). Изображения таких птиц имеются на шаманском бубне уйльта *дали* (рис. 13, б). Прообразом мифической птицы могла быть кайра (рис. 13, з, д*).

*Эскиз Кимура Сёдзи (хранится в личном архиве художника, ныне у сына художника Хироки Кимура), создан в 1938 г. на Отасу, ныне Поронайский р-н Сахалинской обл., где найден жезл. По традиционным представлениям, «когда души улетают, они превращаются в птиц» (ПМА, И.Я. Федяева, пос. Вал, 2009).

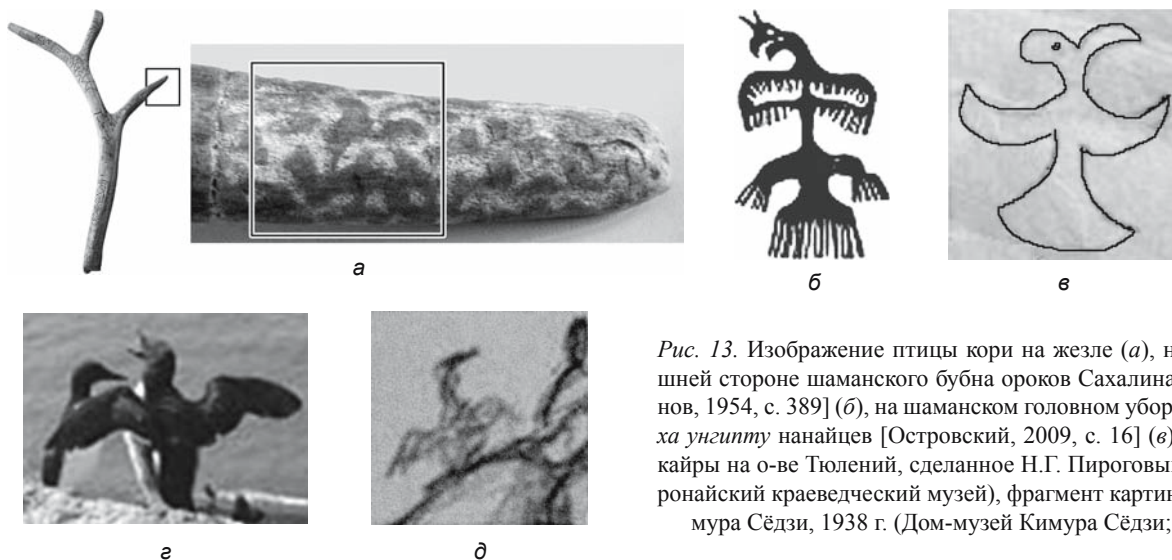

Рис. 13. Изображение птицы кори на жезле (а), на внешней стороне шаманского бубна ороков Сахалина [Иванов, 1954, с. 389] (б), на шаманском головном уборе *нюр-ха унгитту* нанайцев [Островский, 2009, с. 16] (в), фото кайры на о-ве Тюлений, сделанное Н.Г. Пироговым (Поронайский краеведческий музей), фрагмент картины Кимура Сёдзи, 1938 г. (Дом-музей Кимура Сёдзи; д).

У уйльта мифическая птица называлась кори, или *корь*. В мифологии орочей так называлась железная птица, у которой крылья в виде сабель и хвост, имеющий форму копья для охоты на медведя. Это дух-помощник шамана, орел. По орокским (уйльта) и нанайским представлениям, птица кори живет в загробном мире, на ней шаман перевозит души умерших [Сравнительный словарь..., 1975, т. 1, с. 415; Озолина, 2010, с. 161]. Кроме того, птица кори была покровителем рода Торися. «Род Торися имеет покровителем большую птицу кори, которая, если бы стала летать, то закрыла совершенно солнце» [Пилсудский, 1989, с. 14]. Логично предположить, что птицу, как покровителя рода (часто орла), изображали и на бубнах уйльтинских шаманов. Кроме того, у уйльта, негидальцев, ульчей и нанайцев *корь* – помещение в виде сруба для содержания медведя, а также клетка для птицы. В языке ульчей данное слово обозначает гробницу [Сравнительный словарь..., 1975, т. 1, с. 415]. Образы птицы и медведя одинаково сакральны. Для уйльта (ороков) кори – это и большая птица с железным оперением, и клетка для медведя, и сруб для покойника [Пилсудский, 1989, с. 14, 52; Озолина, 2010, с. 161–162]. Кроме того, в языке уйльта имеется слово *сикаторо*, обозначающее птицу-дьявола (с медвежьими лапами) или дьявола в облике огромной птицы [Пилсудский, 1989, с. 49; Озолина, 2010, с. 164].

Выводы

На Рукутамском жезле искусно представлены все основные сюжеты сакрального мира. Жизненно важными районами и позициями пространства о-ва Сахалин оказываются следующие: реки Рукутама, Поронай, Тымь, Мифическая река, Камышовый хребет Западно-

Сахалинских гор, п-ов Шмидта, п-ов Терпения, залив Терпения, залив Анива, оз. Невское, оз. Лодочное, жилище в виде чума, олени, нерпа, морж, морской промысел, собака, медведь, ритуальный танец огня, мифическая птица кори, глиняный сосуд.

При рассмотрении всех сакральных территорий, которыми становились освоенные территории, определяются места расселения этнической общности уйльта в прежние века. Напрашивается предположение о давнем освоении этой общностью большей территории острова, включая районы проживания в XIX–XXI вв. Абсолютно очевидно, что в прошлом оленеводческий образ жизни уйльта сочетался с охотой и морским рыболовным промыслом гораздо более тесно, чем в настоящее время. Олени были главным средством передвижения и освоения пространства.

Получившее воплощение в изображениях на Рукутамском жезле знание территории острова, необходимое для выживания, свидетельствует об очень давнем переселении данной общности на Сахалин (для определения даты необходимо дальнейшее изучение археологического, исторического и этнологического материалов). Вместе с тем отображение восприятия сакрального пространства на жезле однозначно доказывает, что предки данного малочисленного народа переселились на остров, впитав многочисленные элементы культуры Северной Азии, а точнее – тунгусо-маньчжурской. Значит, был пройден длительный путь познания всех сторон этой культуры и общения с представителями отдельных общностей: нанайцами, ульчами, негидальцами, орочами. Восприятие сакральности уйльта находит особенно четкие соответствия в мифологии эвенков, что свидетельствует о едином происхождении двух общностей. В продолжение темы данного исследования на страницах журнала автор предполагает рассмотреть тему о многомерности

пространства в мировоззрении и искусстве тунгусо-маньчжурской малочисленной этнической общности о-ва Сахалин.

Список литературы

- Абрамов К.Г.** Промысловая лайка Приамурья. – Хабаровск: Дальгиз, 1940. – 40 с.
- Анисимов А.Ф.** Религия эвенков в историко-генетическом изучении и проблемы происхождения первобытных верований. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 235 с.
- Бауло А.В.** Сокровища священной реки // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1. – С. 95–100.
- Бурыкин А.А.** Моржи в охотоморском ареале (по материалам исторических источников, фольклора, этнографии и лингвистики) // Пространство культуры в ареально-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории: мат-лы XII Зап.-сиб. археол.-этногр. конф. – Томск, 2001. – С. 18–20.
- Василевич Г.М.** Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – начало XX в.). – Л.: Наука, 1969. – 304 с.
- Василевский А.А.** Каменный век острова Сахалин. – Южно-Сахалинск: Кн. изд-во, 2008. – 412 с. – (Историческая библиотека Сахалина и Курильских островов).
- Воронов Г.А.** Основные причины деградации и пути восстановления популяции дикого северного оленя на Сахалине // Вестн. Сахалин. музея. Ежегодник Сахалин. обл. краевед. музея. – 1998. – № 5. – С. 281–287.
- Высоков М.С., Василевский А.А., Костанов А.И., Ищенко М.И.** История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия / отв. ред. М.С. Высоков. – Южно-Сахалинск: Кн. изд-во, 2008. – 712 с.
- Еремин Ю.П.** О численности и распространении северного оленя на Сахалине // Тез. докл. Всесоюз. совещ. по проблеме кадастра и учета животного мира. – Уфа, 1989. – Ч. II. – С. 195–197.
- Ермолова Н.В.** Река в трех мирах эвенкийской Вселенной // Реки и народы Сибири / отв. ред. Л.Р. Павлинская. – СПб.: Наука, 2007. – С. 87–127.
- Ермолова Н.В.** Представления о душе, смерти и загробной жизни в традиционном мировоззрении эвенков // От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки / отв. ред. Ю.Е. Березкин, Л.Р. Павлинская. – СПб.: Наука, 2010. – С. 93–158.
- Жульников А.М., Кашина Е.А.** «Лосиноголовые жезлы» в культуре древнего населения Зауралья, Северной и Восточной Европы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 2. – С. 71–78.
- Иванов С.В.** Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX – начала XX в. Сюжетный рисунок и другие виды изображений на плоскости. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 839 с. – (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Н.с.; т. XXII).
- Кинологический клуб** Акита ину: [сайт]. – URL: www.japanakita.ru
- Миссонова Л.И.** Уйльта Сахалина: Большие проблемы малочисленного народа. – М.: Наука, 2006. – 295 с.
- Миссонова Л.И.** «Социальная природа огня» и «социальное опосредование огненной сферы»: теория С.А. Токарева и жизнь аборигенов Сахалина // Кафедра этнологии исторического факультета МГУ – 70 лет / отв. ред. А.А. Никишенков. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 2010. – С. 229–238.
- Мифы народов мира.** Энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Энциклопедия, 1988. – Т. 2. – 719 с.
- Озолия Л.В.** Орокско-русский словарь. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – 422 с.
- Озолия Л.В.** Этнографическое описание Б.О. Пилсудского «Из поездки к орокам о. Сахалина в 1904 г.» как источник лингвистических сведений // Pilsudskiana de Sapporo. – 2010. – N. 4. – С. 157–165.
- Островский А.Б.** Ритуальная скульптура народов Амура и Сахалина. Путеводная нить чисел. – СПб.: Нестор-История, 2009. – 195 стр.
- Пилсудский Б.** Из поездки к орокам Сахалина в 1904 г. / публикация текста, ввод. статья и коммент. В.М. Латышева / Сахалин. обл. краевед. музей. – Препринт. – Южно-Сахалинск, 1989. – 76 с.
- Пирогов Н.Г.** Морж (*odobenus rosmarus*) в Охотском море // Вестн. Сахалин. музея. Ежегодник Сахалин. обл. краевед. музея. – 1999. – № 6. – С. 279–284.
- Самарин И.А.** «Путь богов» по островам. Синтоистские храмы Южного Сахалина и Курильских островов. – Хабаровск: Издат. дом «Приамурские ведомости», 2005. – 64 с., илл. + 8 с. вкл.
- Сахалинская область** / Общегеографические карты Российской Федерации. Федеральная служба геодезии и картографии России. Хабаровск, 2001; а также Россия. Карта Сахалина. – URL: <http://www.suvenirograd.ru/impressions.php?id=70&lang=1>
- III Северный археологический конгресс:** тез. докл. – Екатеринбург: Издат. дом «ИздатНаукаСервис», 2010. – 374 с.
- Спутниковая карта** п-ова Терпения. – URL: <http://api.yandex.ru/maps/agreement.xml> (дата обращения: 03.06.2010).
- Сравнительный словарь** тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / отв. ред. В.И. Цинциус. – Л.: Наука. – 1975. – Т. 1. – 672 с.
- Тамануки Контти.** Карафуту Хакубуцуси (Естественная история Карафуту). – Токио: Кобундо Сёбо, 1944. – 451 с. (на яп. яз.).
- Тишков В.А.** Тундра и море. Чукотско-эскимосская резьба по кости. – М.: Индрик, 2008. – 160 с.
- Федорчук В.Д.** Шаманские культовые жезлы из оленьего рога с озера Невского // Вестн. Сахалин. музея. Ежегодник Сахалин. обл. краевед. музея. – 1995. – № 1. – С. 127–135.
- Черемисин Д.В.** О семантике орнитоморфных персонажей звериного стиля в ритуальной атрибутике пазырыкских курганов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1. – С. 85–94.
- Уни Йосикадзу.** Фотограф Хандзава Чу из г. Сисука на Карафуту: его жизнь и сочинения // Сирэтоко Хакубуцукан Кэнкю Хококу (Тр. Сиретокского музея.) – 1999. – № 20. – С. 61–84. (на яп. яз.).